

76.9.02
скрип Центральной студии документальных фильмов Константин Мелик-Авакян, который был посвящен в розыгрыш и в отпуск ходил на работу в офисе «русского чуда», скрывая от домашних, чем именно занят. Молчание в данном случае приравнивалось не к золоту, а к долларам: со всеми подставными участниками шоу, а

Офис «русского чуда» отличается от стандартных разве что большим количеством зеркал и отсутствием окон. Последнее сотрудникам фирмы объяснили тем, что здесь раньше якобы была звукозаписывающая студия Бари Алибасова. Хотя нынешним летом отсутствие окон можно объяснить проще — сгомом и запахом гари на улице.

Дело в том, что фирма занималась шоу-бизнесом и среди прочего набирала двойников известных людей (клиенты фирмы, кстати, тоже не подозревали, что их снимают).

ОПАСНАЯ ЗОНА

Журналисты в офисе задавали безобидные вопросы организаторам про-

момент скрывали камерами. Это же копир! Ты живешь такой, какая ты есть, а потом узнаешь... Я думаю, для меня это было бы ужасным шоком.

То, что «ты живешь такой, какая ты есть», — главное, что хотели показать организаторы проекта. Это реальное шоу будет отличаться от других есте-

P.S. Галине я выдал упрямый... меня приняли на работу «Московские новости» в качестве журналиста. Но теперь я уже в этой сомневаюсь: офис в центре Москвы зарплату платят практически ни за что, обедом, правда, не кормят. Навон то зеркало на стене больно уж сомнительное...

ЛЕГЕНДА

Современный... лийской публике он почти не знаком. Когда на концертах «неприкасаемый» Гарик Сукачев надрывно и сипло декламирует нетускнеющую *Tombe la neige*, большинство в зале полагает, что он поет некий французский романс. Ничего принципиально не меняется, если даже Гарик Иванович поясняет, что эту мелодию он любил в детстве, а исполнял ее тогда человек по имени Сальваторе Адамо. О бельгийском итальянце, ставшем в середине 60-х звездой французской эстрады, в России давно не слышали.

СЫН ШАХТЕРА с манерами аристократа

Моск. номер - 2002 - 16 сеп - с. 19

При том, что Сальваторе нет еще и 59. Чак Берри вон на восьмом десятке рок-н-роллы исполняет. Но Адамо так долго где-то пропадал, что у нас его действительно «списали в архив».

Матье, Дассена, Азнавур, Кутуньо

наша публика по-прежнему любит и слушает. Они не исчезали в тени, не выпадали из эфиров радиостанций. Недавно прошедшие «французские сезоны» в Москве познакомили любителей французского шансона с Нугаро и Мустаки — ветеранами эстрады, начинавшими чуть ли не раньше Сальваторе. А Адамо, столь популярного когда-то, не упоминал никто и нигде.

Между тем в 65-м именно на него и Матье сделал ставку легендарный директор парижской «Олимпии» Бруно Кокарик. Он считал, что эти два артиста способны заполнить вакуум, образовавшийся после ухода великой Эдит Пиаф. И целое десятилетие потом, после первых «сольников» в «Олимпии», Сальваторе и Мирей были самыми заметными фигурами французской поп-сцены. Только в 1966-м во Франции продали более 12 млн. пластинок Адамо.

Песни его, помимо яркой лирической составляющей, нередко имели и социальный контекст. Видимо, скудное военное детство, вынужденная эмиграция (переезд из сицилийского Комизо в бельгийский Жемапп), воспитание в шахтерской семье наложили отпечаток на мировосприятие Адамо.

Первый певческий опыт он получил в церковном хоре. Затем был дебют в конкурсной программе на радио Люксембурга, а в 20 лет Сальваторе сочинил свой первый полноценный хит «Без тебя, мамочка». Его стали узнавать. К 67-му Адамо уже скопил семь «золо-

тых» и один «платиновый» диск. Следующая пятилетка оказалась периодом бесконечных гастролей по всем континентам. В 71-м сына шахтера пустили и в СССР, о нем даже упоминалось в одном из рассказов, напечатанных в «Юности». Три года спустя Сальваторе

с успехом выступил в «России», том самом зале, где ему предстоит петь и теперь. Советская цензура его не притесняла, полагая, что творчество этого артиста носит «антибуржуазный характер». Сицилиец из Брюсселя, сколь мог, оправдывал «доверие». То, например, на одной из концертных акций в Шта-тах, USA for Africa, заявил: «Деньги, затраченные на полеты к Луне, могли бы питать страны Африки в течение нескольких лет. Прежде чем собираться к звездам, надо расплатиться с нашими проблемами на Земле», — то написал песню *Inch'Allah*, провозгласившую переживаниями за народы Ближнего Востока, втянутые в «шестидневную» арабско-израильскую войну.

В начале 70-х Адамо, по оценке знатоков, выпустил подряд два лучших своих альбома — «Маленькое счастье» и «Мир любви», а также попробова себя в кинематографе (фильм «Остро красных маков»), причем сразу в пяти ипостасях: сценариста, режиссера, актера, продюсера, композитора. Потом были новые альбомы, новые программы, но Сальваторе стал творчески «выдыхаться». В ноябре 75-го, в «Олимпии», он дал «прощальный концерт» и взял затяжную паузу.

Попытка догнать моду в 80-х получилась неудачной. Адамо переаранжировал собственные шлягеры в стиле диско, но понимания у слушателей не нашел. В 84-м у него случился инфаркт, за которым последовала сложная операция на сердце. Многие полагали, что на этом его карьера завершена. Однако Адамо вернулся. Со старыми песнями, да еще с той же страстной гражданской позицией. Он стал посланником ЮНИСЕФ и дал серию концертов в поддержку организации «Международная амнистия».

В 90-х Сальваторе записал три новых альбома, не оставивших, впрочем, особого впечатления. Сегодня он опять опирается на испытанный, старый репертуар, и поклонники встречают его тепло. Думается, на такой прием Адамо рассчитывает и в Москве. Две «России» тех, кто давно ждет лиричного бельгийца, скорее всего, соберутся.

Михаил МАРГОЛИС

76.9.02
Adamo Salvatore

ТЕАТР-ВАРЬЕТЕ
РАДИУС ХОЛЛ
представляет
феерическое шоу

ПЛАНЕТА РАФАЭЛЬ

Проспект Мира, 72
Заказ столиков: 258 5304/5320
radiusholl@sovintel.ru

Аргументы и факты Журнал МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ